

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
18–20 июня 2015

**ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: КАК РАССТАВИТЬ
ПРИОРИТЕТЫ?**
Панельная сессия

19 июня 2015 — 11:45–13:00, Павильон 5, Конференц-зал 5.1

Санкт-Петербург, Россия
2015

Модератор:

Сергей Брилев, Телеведущий, заместитель директора, ГТК «Телеканал «Россия»; президент, Институт Беринга-Беллинсгаузена

Выступающие:

Зигфрид Вульф, Председатель совета директоров, Группа компаний «Русские машины»

Денис Мантуров, Министр промышленности и торговли Российской Федерации

Пол Михан, Управляющий директор по региону Европа, Ближний Восток и Африка (EMEA), Bain & Company

Анри Пупар-Лафарж, Президент транспортного сектора, исполнительный вице-президент, Alstom

Алексей Рахманов, Президент, АО «Объединенная судостроительная корпорация»

Андрей Сапелин, Первый заместитель председателя — член правления, Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»

Владислав Соловьев, Генеральный директор, член совета директоров, РУСАЛ

Виктор Толоконский, Губернатор Красноярского края

Владимир Якунин, Президент, ОАО «Российские железные дороги»

Участники дискуссии в первом ряду:

Руслан Гринберг, Директор, ФГБУН «Институт экономики Российской академии наук»

Сергей Сидорский, Член Коллегии (Министр) по промышленности и агропромышленному комплексу, Евразийская экономическая комиссия

С. Брилев:

Добро пожаловать на промышленную сессию.

Меня зовут Сергей Брилев, в обычной жизни я телеведущий, заместитель директора ГТК «Телеканал «Россия». Я считаю, что вам очень повезло с модератором, потому что я отношусь к той профессии, которая всё способна объяснить, ничего не зная. А про нашу экономику сейчас нужно больше объяснять и думать. Хотя и знать не мешает.

Мы переживаем особый момент, и не нужно быть экономистом, чтобы его оценить — достаточно поговорить с петербургскими предпринимателями, занятыми промышленным производством, по крайней мере с моими знакомыми. Одни благословляют девальвацию и со страшной силой расширяются, другие переживают по поводу падения спроса.

Я так понимаю, одной из неизбежных тем сегодняшней сессии будет обсуждение, как же переходить от сырьевой экономики к экономике инновационной, с добавленной стоимостью, если не всегда находится спрос на те или иные изделия, и каково должно быть место России в глобальном распределении труда. И я думаю, что мы просто обязаны философски начать этот разговор с выступления министра промышленности и торговли Дениса Валентиновича Мантурова.

Я призываю всех к дисциплине. Денис Валентинович, прошу. Давайте попробуем укладываться в шесть — семь минут, чтобы у нас было время для дискуссии и обмена мнениями.

Д. Мантуров:

Всё очень жестко, Сергей.

Во-первых, я бы хотел поблагодарить Вас за то, что Вы очень неравнодушны к судьбе нашей промышленности и торговли. Прошу заметить, что эти понятия неразрывны друг с другом, потому что мало произвести продукцию — ее важно еще и реализовать, причем не только на

внутреннем рынке, который, как мы считаем, еще не заполнен и имеет потенциал для нашей продукции. В первую очередь нужно заботиться о том, каким образом мы будем продвигать нашу продукцию на внешние рынки.

Очень приятно, что здесь присутствует господин Сидорский, министр Евразийской экономической комиссии, нашего объединения между несколькими странами. Мы с ним стараемся координировать работу с профильными министрами нашего союза таким образом, чтобы создавать дополнительный потенциал для выхода на третьи рынки. И также очень приятно, что в зале присутствуют мои коллеги из стран, с которыми мы сегодня активно сотрудничаем, в том числе министр промышленности Бахрейна.

Вы предлагаете порассуждать философски, но мы уже не философствуем — мы делаем конкретные шаги по реализации нашей промышленной политики.

Что я вкладываю в это понятие?

Мы долгие годы старались определиться, нужна нам промышленность или нет. Если нам нужна промышленность, то должен быть основополагающий документ. Такой документ принят. Это Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации». Я благодарен всем депутатам Государственной Думы, которые активно участвовали в этом процессе. Закон был принят в декабре прошлого года и через две недели вступает в силу. В нем заложены абсолютно конкретные, предметные вещи, которые мотивируют и стимулируют инвесторов и наши традиционные предприятия промышленности к тому, чтобы развиваться, вкладывать средства, привлекать заемные средства для того, чтобы создавать современные образцы промышленной продукции. Причем заложенные в этом документе инструменты начали работать еще до начала действия закона, например, через Фонд развития промышленности.

Вы помните заявление нашего Президента, сделанное в прошлом году на Санкт-Петербургском форуме, о том, что нам нужен специальный фонд, который на конкурентных началах будет стимулировать нашу промышленность к модернизации. Фонд создан и наполнен средствами общей суммой 20 миллиардов рублей. Многие коллеги знают о его существовании. Уже поступило более 900 заявок от разных предприятий. Мы привлекаем регионы, чтобы они тоже участвовали в отборе и поддержке этих предприятий, этих проектов через государственные федеральные и региональные субсидии. Так мы сможем совместно двигать нашу промышленность к росту.

То, что мы сегодня производим, реализовать непросто. Необходимы дополнительные инструменты в виде лизинга. Вы знаете, что недавно было принято решение по дополнительному наполнению Государственной транспортной лизинговой компании капиталом на сумму 30 миллиардов рублей. Для чего это делается? Для того чтобы продвигать на рынке то, что мы произвели. В первую очередь, мы рассчитываем на продвижение самолетов Sukhoi Superjet 100 на внутреннем рынке. То же самое мы будем делать в сфере судостроения. Сейчас Алексей Львович Рахманов вместе с моими коллегами из Министерства промышленности и торговли и коллегами из Министерства транспорта занимаются тем, чтобы сформулировать аналогичную программу поддержки судостроения, помимо тех мер, которые существуют сегодня в виде субсидий.

То же самое необходимо сделать в отношении производства технологического оборудования. Если бы Вы у меня спросили три года назад, как мы будем развивать наше станкостроение, я бы не смог Вам ответить на этот вопрос прямо. Сегодня могу совершенно четко сказать, что мы с 2011 года реализуем программу поддержки станкостроения и создали уже достаточное количество образцов технологического оборудования. Сегодня эта программа помогает за счет стимулов (опять же, через

операционный лизинг) продвигать это оборудование на внутреннем и на внешнем рынках и предлагать его предприятиям, которые заинтересованы в наших станках. Таким образом мы мотивируем развитие нашей промышленности.

Сегодня каждая страна концептуально заинтересована в том, чтобы создавать добавленную стоимость на своей территории. Время простых поставок продукции прошло. Мы тоже ставим перед заинтересованными в нашем рынке иностранными производителями определенные условия по созданию совместных предприятий и локализации их продукции на нашем рынке.

Вы знаете о том, что у нас утверждены отраслевые планы импортозамещения. Об этом много говорят. Это не значит, что мы только сегодня занялись импортозамещением, а до этого ничего не делали. Нет. Конечно, мы и раньше, и сегодня, и завтра будем заниматься тем, чтобы создавать добавленную стоимость у нас в стране. В первую очередь, это привлечение критических технологий, в которых мы заинтересованы, путем предложения дополнительных преференций иностранным компаниям, которые выходят на наш рынок.

Во время встреч с иностранными производителями у них достаточно часто возникает вопрос: «Скажите, если мы будем вкладывать свои средства в создание здесь собственных производств или совместных предприятий, какие у нас будут гарантии того, что наша продукция будет востребована и будет приобретаться государством, в частности, государственными компаниями?» Вы знаете, что государство направляет на госзакупки огромный объем средств? Законом «О промышленной политике в Российской Федерации» мы внедрили так называемый инструмент специальных инвестиционных контрактов. По согласованию с Министерством финансов мы уже вносим изменения в Налоговый кодекс, в Федеральный закон №44 о государственных закупках и в Федеральный

закон №223, который регламентирует закупки государственных компаний и компаний с госучастием. Структуры, которые подписали специальный инвестиционный контракт с регионом и с федеральной властью, будут иметь дополнительные преференции и гарантии того, что их продукция будет приобретаться в первую очередь.

Это краткий рассказ о том, как мы сегодня видим свою промышленную политику.

Я хотел бы вернуться к тому, какими способами мы сегодня обеспечиваем продвижение своей продукции на рынках третьих стран, наших партнеров. Мы не так давно проводили бизнес-миссию в Бахрейне, проводили бизнес-миссию в Египте. Мы привлекаем наши компании, которые производят продукцию, к поиску партнеров и контрапартнеров в этих странах, чтобы создавать там совместные производства или собственные производства. Это позволит им соответствовать требованиям, которые сегодня предъявляются нашими коллегами, заинтересованными в создании добавленной стоимости у себя в стране. Сегодня так делаем и мы, и наши коллеги.

Сейчас мы будем расширять и развивать инструменты поддержки экспорта через создание «Российского экспортного центра». Вы, наверное, уже знаете, что Правительством принято решение о создании при «Внешэкономбанке» «единого окна» по поддержке экспорта. В него будут входить Российское агентство по страхованию экспортных кредитов ЭКСАР, «Росэксимбанк» и ряд других институтов развития. Мы, конечно, будем принимать в этом активное участие и будем двигать наши компании на внешний рынок.

Спасибо.

С. Брилев:

Спасибо.

Сразу несколько мыслей родились в голове, причем, думаю, не только у меня, пока мы Вас слушали.

Я помню, как Владимир Иванович Якунин на пике «жирных» годов говорил, что спрос-то у нас есть, а вот предложения со стороны отечественной промышленности не возникает. Вдохновителям этой сессии, представителям компании РУСАЛ тоже есть что рассказать. Но сначала один дополнительный вопрос.

Денис Валентинович, Вы сейчас говорили о Фонде развития промышленности, о наборе указов Президента и так далее. С этим всё понятно. Но совершенно очевидный вопрос в нынешней ситуации — недоступность западных финансовых ресурсов и, несмотря на последние действия Центрального банка, процентная ставка остается, мягко говоря, высокой. Денег, аккумулированных в Фонде, вряд ли достаточно для того, чтобы глобально решить этот вопрос. Конечно, это в большей степени был бы вопрос к господину Улюкаеву, к экономическому блоку Правительства, нежели к Вам. Но все-таки, как куратор промышленности, как Вы смотрите на эту ситуацию?

Д. Мантуров:

Очень актуальный вопрос, потому что мы не должны сегодня допустить инвестиционной паузы.

С. Брилев:

Инвестиционный паводок?

Д. Мантуров:

Инвестиционной *паузы*. Было бы хорошо, если бы был инвестиционный паводок.

С. Брилев:

Я как раз думаю, ослышался я или не ослышался?

Д. Мантуров:

Мы как раз всё делаем для того, чтобы этот паводок состоялся.

У Министерства есть дополнительные инструменты, которые мы активно и оперативно перенастраиваем в зависимости от экономической ситуации. Это отраслевые и межотраслевые субсидии, которые компенсируют процентную ставку, приводя ее в соответствие с рыночными условиями.

Вы правильно упомянули о действиях Центрального банка, которые я не хочу обсуждать. Мы лишь надеемся на то, что ставка будет снижаться, и банки будут вслед за Центробанком снижать свои коммерческие ставки.

Сегодня компании рассчитывают на те инструменты, которые у нас есть. В их числе — прямые займы, которые Фонд развития промышленности может предоставлять под 5% годовых. Прошу заметить, что это в два с лишним раза меньше, чем уровень инфляции. Мы сохранили эти условия, хотя декларировали их в прошлом году, не предполагая, какими в итоге станут процентные ставки. Отраслевые и межотраслевые субсидии, которые есть у нашего ведомства, перенастроены на ключевую ставку. Ранее мы были завязаны на ставку рефинансирования, что сдерживало возможности наших компаний по привлечению кредитов. Сегодня это от 70% до 90% ключевой ставки. Мы исходим из того, что это даст возможность привлекать на конкурентных условиях банковские кредиты на сумму не менее 0,5 триллиона рублей.

Меры, принимаемые сегодня, уже мотивируют компании. Я имею в виду и регуляторные меры, в которых предусматриваются возможности для регионов снижать уровень налога на прибыль и налога на имущество, чтобы компании активнее принимали решения.

С. Брилев:

Спасибо.

Действительно, Центральный банк мы обсуждать не будем, он же у нас независимый. Мы услышим независимую точку зрения.

Вдохновителем этой сессии является РУСАЛ, но сначала я бы хотел обратиться к Зигфриду Вульффу, председателю совета директоров группы компаний «Русские машины».

S. Brilev:

Mr. Wolf, we had a chat before the session, and you were a bit preoccupied by the current state of affairs. Are you ready to say it publicly? Switch on the mic, please.

S. Wolf:

Good afternoon, Mr. Manturov. I think you have made a couple of valid points. We have started manufacturing very intensively. We know that in Russia, we can bring productivity to the automotive industry compared to international standards. But you raised the point of export. Export means trust. It means long-term base-building in export markets. I think we have to do a little more in this, especially to help Russian producers to export.

Next are investment programmes. We need to continue to bring know-how to help with localization, and we need the trust of potential joint-venture partners. In this, there is a big problem for the time being in terms of financing. It does not work if we have to finance costs that are four times the international rates. We have to work on this.

We also have to work on clear programmes to stimulate the market with the products that we are making. I do not see very aggressive programmes at the time being.

On the one hand, that means that we have to build the trust of foreign investors, but I do not see a very positive climate here at the moment. On the other hand, we have to have much more competitive rates, and we have to support investments with tax.

You made another point. Regions are very important in terms of clusters and structures, and they are concentrated, because the volume is not big enough to go and sprinkle a little bit everywhere. We have to concentrate very clearly on development programmes that can help Russian industry right now.

С. Брилев:

Я не могу утверждать, что РУСАЛ находится где-то посередине между иностранным взглядом и государственным взглядом, но это, безусловно, вдохновитель нашей сессии. Владислав, прошу. Я хочу сейчас набрать некоторую критическую массу оценок, а затем поговорить более конкретно, тем более, что уже был упомянут и региональный эффект.

В. Соловьев:

Сергей, спасибо.

Название нашей сегодняшней сессии — «Промышленная политика России: как расставить приоритеты?» Но чтобы расставить приоритеты, сначала следует глубже понять ситуацию, в которой мы находимся. Все говорят, что экономика находится в кризисе. Можно спорить о стадиях этого кризиса — находимся ли мы в начале, в конце или в середине, — но факт остается фактом.

Хотел бы обратить внимание на следующее. Говоря о кризисе, нужно помнить, что мировая экономика, в которой мы присутствуем (потому что экспорт российской экономики довольно существенен), тоже находится в кризисе, или, назовем их так, в локальных кризисах, которые так и не удалось преодолеть после 2008 года. Это и Греция, то есть денежно-

кредитные проблемы, и рынок сырьевых товаров, на котором мы как Россия или мы как РУСАЛ очень активно присутствуем.

Мы должны понимать, что рынок сырьевых товаров существенно изменился. После небольшого подъема в 2011 году цены на основные сырьевые товары — не только нефть, но и практически все биржевые и небиржевые металлы — упали не менее чем на 30—50%. И мы все должны хорошо понимать, что и Россия, и мировой рынок сейчас столкнулись не с кризисом предложения, а с кризисом спроса. Все принимаемые нами меры, все точки роста должны опираться на понимание того, что проблема может быть решена преимущественно путем стимулирования спроса — как внутреннего, так и мирового.

Хочу сказать о трех приоритетных направлениях. Это непосредственно промышленность, то есть производство и потребление промышленных товаров, инфраструктура и банковский сектор, без которого мы не можем думать ни об инвестициях, ни о развитии чего бы то ни было.

Для промышленности основной путь, по которому можно двигаться, — это довольно модная в последнее время тема импортозамещения. Мне бы хотелось, чтобы эта тема не просто была модной, а стала реальной. Мы с Министерством промышленности и торговли, с Денисом Валентиновичем уже прошли большой путь и продолжаем по нему идти. Очень хочется, чтобы это стало некоей реальностью.

Если говорить о нашем рынке, о нашем продукте, то здесь мы видим следующие примеры. Общий объем потребления алюминийсодержащих товаров в России — два миллиона тонн. При этом наш объем производства и продаж на российском рынке — всего лишь 700—800 тысяч тонн. И если посмотреть, что ввозится из-за рубежа, и отбросить высокотехнологичные товары, которые мы пока делать не можем, то остается еще довольно много, до миллиона тонн, продукции, которую мы вполне можем

производить в России. Среди прочего это, например, радиаторы и колесные диски.

Крайне важны координационная роль, наличие и использование Фонда развития промышленности, о котором я чуть позже еще буду говорить в связи с банковской проблемой.

Я считаю, что стимулирование точечных производств, а через них, соответственно, и стимулирование спроса на нашу продукцию превратит красивый лозунг импортозамещения в конкретные дела. Сделать это можно довольно быстро. Да, придется принять какие-то сложные, комплексные, может быть, даже болезненные меры, такие как ограничение поступления каких-то товаров на территорию России в случае антидемпинга. Но мне кажется, что мы не должны бояться и таких мер, поскольку речь идет о защите и развитии нашего рынка, и эта игра стоит свеч.

Другое направление — инфраструктура. Эта панацея была изобретена довольно давно. В любом кризисе инвестиции в инфраструктуру — это то, что подталкивает всю цепочку добавленной стоимости к производству. Другой вопрос, как эти инвестиции должны делаться. Мы говорим о транспортной, энергетической инфраструктуре. Например, у нас в некоторых регионах установленная мощность в полтора раза превышает необходимость потребления энергии. При этом есть определенные точки, где инвестиции, конечно же, необходимы.

Важно, за счет чего эти инвестиции будут делаться. Я считаю, что резерв проведения инвестиций за счет роста тарифов уже практически исчерпан. По некоторым направлениям мы имеем превышение тарифов относительно развитых стран до трех раз. Мы должны искать другие направления и другие источники этих инвестиций, будь то банковский сектор, будь то бюджет или фонды. В любом случае, это надо делать, иначе мы получим не рост, а стагнацию.

Наконец, банковский сектор, о котором сегодня уже было сказано, что без него мы не сможем осуществлять никакие инвестиции и попадем в ту самую инвестиционную паузу.

Мы знаем, что происходит в банковском секторе, и я вижу здесь две проблемы. С одной стороны, это кризис ликвидности, а с другой стороны, — кризис капитализации. Кризис ликвидности происходит из-за роста просрочки по кредитам.

В разговоре о банковском секторе возникает вопрос об альтернативных источниках финансирования. Я уже говорил о Фонде развития промышленности, и благодаря Министерству промышленности и торговли эта тема не просто обсуждается — Фонд уже используется под конкретные и понятные мне проекты. Но я бы посмотрел на другие источники, например, на реализацию непрофильных активов естественных монополий и компаний с госучастием. Это огромный источник, так почему мы о нем не говорим, почему мы не можем его использовать? Я считаю, что вполне можем. Любой источник в любом кризисе — это концентрация на основном виде деятельности. Я считаю, что этот вопрос тоже должен быть поднят. Спасибо.

С. Брилев:

Владислав, попрошу буквально об одном уточнении. Вы сейчас говорили об антидемпинговых расследованиях, что каждый мог понять по-своему. Отраслевой, а тем более корпоративный эгоизм — дело святое, и его можно только приветствовать. Но Вы сейчас это сказали так, как будто ВТО нет. Россия останется членом ВТО?

В. Соловьев:

Разумеется, когда мы в данном случае говорим об антидемпинговых расследованиях, мы говорим о некоей процедуре, которая...

С. Брилев:

То есть это было не радикальное предложение, а между делом?

В. Соловьев:

Нет, это не радикальное предложение. Выход из ВТО, конечно, не предполагается. Сказанное следует понимать в рамках существующей процедуры. Но я хотел, чтобы Вы обратили на это внимание.

С. Брилев:

Понятно. Просто люди могут по-разному понять такую фразу.

В. Соловьев:

Нет, ни в коем случае. Всё должно быть в соответствии с обязательствами, которые мы на себя взяли. Полезно посмотреть на опыт американской экономики, которая не стесняется проводить эти расследования более активно и вводить заградительные пошлины при выявлении демпинга. Я считаю, что никаких проблем здесь быть не может.

С. Брилев:

Спасибо.

При всем соблазне зацепиться за Вашу фразу об уже исчерпанных резервах за счет роста тарифов или сразу обратиться к Владимиру Ивановичу дам слово директору Института экономики РАН Руслану Гринбергу, который сидит в первом ряду. В силу того, что первые три выступления отличались не только предметным подходом (который, я уверен, мы еще услышим), но и системным взором, коротенькая ремарка.

Р. Гринберг:

Мы с моими коллегами в институте занимаемся промышленной политикой уже четверть века, и мне очень не нравится то, что происходит в нашей стране. Наша великая трансформация (я говорю это без всякой иронии), слава богу, состоялась. Она очень хорошо позаботилась о потребителях, хотя и не обо всех — на 100% плодами реформ может пользоваться примерно четверть населения. Но она начисто забыла о своих собственных производителях. В самом начале реформ мы стали жертвой очень странной доктрины естественных конкурентных преимуществ. Нам говорили, что надо производить и продавать то, что продается на мировом рынке, а если что-то не продается, то значит, такова судьба. Надо сказать, что мы примерно так и действуем и во время подъема, и во время спада, и во время стагнации. В результате сегодня структура нашей экономики находится на максимально высоком уровне примитивизации.

Иметь столь примитивную структуру экономики — это скандал для такой большой страны. А дискуссия об импортозамещении носит достаточно декларативный характер, поскольку этим нельзя заниматься по всему фронту. Главная проблема, которую нужно было бы решить для того, чтобы жить более-менее спокойно — это заниматься экспортозамещением, о чем в самом начале сказал господин Мантуров. Я думаю, это серьезная проблема для страны. Что бы мы ни говорили, какие бы нерешенные вопросы у нас ни существовали, мы по-прежнему скандально зависим от цены на нефть. Если 85% экспорта приходится на топливно-сырьевые ресурсы, при любых вариантах экономической динамики мы опять станем жертвой капризов на мировом рынке.

Здесь возникает вопрос о приоритетах промышленной политики, способных хоть каким-то образом изменить и структуру экономики, и структуру экспорта. У нас большие проблемы с серийным производством готовой продукции. Мы потеряли много времени. Мы находимся между двумя

гигантами: между Китаем, который может завалить весь мир потребительскими товарами, и Германией, которая может завалить мир инвестиционными товарами. Помимо инфраструктурных объектов, которые не являются предметом конкуренции, есть еще одна важная задача. Здесь присутствует господин Якунин, с которым мы сотрудничаем и общаемся на разные темы. Похоже, что у нас все-таки есть шанс попытаться реализовать транспортную стратегию, с помощью которой можно было бы добиться новых экспортных источников перевозки товаров с запада на восток, которые не были бы конъюнктурными. Это очень важная задача.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что наше Правительство, по моему, еще не выбрало, какую политику оно будет проводить в области промышленности. Идет идеологическая дискуссия о шлифовании инвестиционного климата, как будто какие-то потенциальные инвесторы лежат на печи и ждут, когда возникнут хорошие условия для инвестиций в товары с добавленной стоимостью. Мне кажется, это полная ерунда.

Министр экономического развития господин Улюкаев недавно сказал очень важную вещь, которая вселяет в меня надежду. Он сказал, что риски от государственных инвестиций намного меньше, чем риски от отсутствия инвестиций. Это золотые слова.

Денис Валентинович, мне кажется, что Вы должны продолжить эту линию в отношении мегапроектов с государственным участием. В моем представлении, это единственная альтернатива закреплению топливно-сырьевой структуры экономики.

С. Брилев:

Владимир Иванович, хотя я и несколько выступающих сослался на Вас, перейдем к Вам еще через одного выступающего. У нас получится транспортный блок — Вы и Alstom.

I now want to ask Paul Meehan. Just before this session, we talked about the possible jump from the raw-oriented economy to the industry-oriented economy. What is your recipe?

P. Meehan:

Building on the comments from my colleague on the floor there, I think this is an extraordinarily challenging transition. As somebody who has spent over 20 years of my career in Asia, I think import substitution in places like Australia has not been successful. Export-oriented policies like in China have built sustainable industrial bases that have competed on worldwide markets, as well as serving a very large domestic market which that has helped to fuel.

I think this transition is a very important one. We know the data. You talked about it. 70% or more of our exports today are resource-oriented.

To start with, I would highlight three priorities. It is not a curse. The resource strength of Russia is a tremendous advantage and a point of leverage. There is substantial investment to be made in adjacent value-added areas around the resource sector, where Russia can be highly competitive and grow value-added businesses.

There are some great lessons from places like Norway and Brazil around areas like oilfield services and related value-added parts of the resource sector, where competitive businesses can be built. Leveraging the point of strength that Russia has today in resources should be an enormous advantage.

That said, and I think this was commented on earlier by one of my colleagues on the panel, there are critical enablers for building a long-term, sustainable industrial policy. This is not about short-term gain or the crisis today; it is about how we build long-term value-added parts of our economy. I think a viable and stronger financial services sector is critical to enabling greater participation and access to capital.

The whole investment thesis around infrastructure and connecting to viable supply chains is fundamental to trade and domestic marketplaces, and ramping up focused investment there is critical.

I would also add education. Russia has a tremendous long-term history in the sciences and in engineering. But if you step back and look at the most recent data, Russia has gone backwards. If Russia is going to be a competitive manufacturing force in the next 30 to 40 years, investing in education is going to be fundamental.

The third thing I would say is that picking the sectors to focus on is going to be critical. When we think about growing the proportion of manufacturing value-added in the economy, you cannot spread investment everywhere. We talked here about the need to accelerate investment. It is so important. There are points where Russia today can be globally competitive, and reinforcing investments in places like nuclear energy, space, and telecommunications are going to be critical. But there are also areas where we have large domestic markets. We can develop very effective industries in infrastructure, healthcare and pharmaceuticals, as a couple of examples.

The real imperative we are talking about today is how we are going to accelerate and get access to investment, and think about a long-term view, not the immediate crisis.

S. Brilev:

Paul, thank you so much for having articulated the agenda, albeit rather broadly. I am trying to concentrate on the industrial side of things, and nearly everyone talks about things like education.

Господин Мантуров клянется, что он в течение 30 секунд сформулирует эпиграф к выступлению Владимира Ивановича Якунина. Демократия на проверку, посмотрим.

Д. Мантуров:

Эпиграф не к Владимиру Ивановичу, а к господину Гринбергу относительно того, что транспортные инфраструктурные проекты будут развивать промышленность в России. Это тоже правильный тезис. Но в первую очередь мы должны задумываться вот о чем. Сегодня утром у меня была встреча с министром промышленности Индии, который говорил о том, что сейчас нужно активно включаться в транспортный коридор от Каспийского до Аравийского моря, в том числе через Иран и Индию — в общей сложности 15 стран. И нам, как «РЖД» и как промышленности, интересно принимать в нем активное участие. Это огромные инвестиции, и это тянет за собой развитие промышленной продукции.

С. Брилев:

Денис Валентинович, на работу на телевидении мы Вас не возьмем. Пятьдесят пять секунд! Знаете, от чего Вы отняли время? От рекламы!

Владимир Иванович, уже столько раз сегодня произносили Ваше имя. Я прошу лишь не забыть об этой занятной ремарке о том, что резерв за счет роста тарифов исчерпан. Но это как субтема.

В. Якунин:

Не забуду. Давайте, с этого и начну. Когда мы говорим о тарифах, в том числе о тарифах естественных монополий, следует четко сформулировать, о каких тарифах мы говорим: тарифах в энергетике, в железнодорожном транспорте и так далее. Что касается железнодорожного транспорта, тарифы постоянно сдерживались. Например, они росли в пять раз медленнее энергетических тарифов. Поэтому все должно взвешиваться.

Я хочу начать с поддержки тезиса, который выдвинул Денис Валентинович. Действительно, самым важным является то, что у нас появилась промышленная политика. Нам потребовалось на ее формирование 12 лет.

Я помню случай, когда впервые представлялся проект социально-экономического развития тогдашним министром экономики. По-моему, это был 2005 или 2004 год. Тогда я задал наивный вопрос о том, что не увидел в этой концепции определения промышленной политики. И, снисходя к моему интеллектуальному убожеству, представляющий этот концепт сказал: «Владимир Иванович, какая может быть промышленная политика в постиндустриальном обществе?»

Слава богу, через 12 лет решили, что промышленная политика необходима. В нашей стране все-таки очень многое идет от головы, и проблемы идут оттуда же. Поэтому, если бы 12 лет назад мы не читали теоретические работы о постиндустриализме, то, может быть, в этом году мы обсуждали бы совершенно другие проблемы.

Что касается естественной ситуации, то она всем хорошо известна. За четыре месяца ВВП упал на 1,5%. В промышленном производстве падение, к сожалению, в два раза больше, и в апреле оно еще более высокое. Естественно, что железнодорожный транспорт также испытывает соответствующее падение в своей работе.

С другой стороны, я полностью согласен с заявлениями о том, что развитие инфраструктуры является инструментом борьбы с экономическим кризисом. Если вспомнить историю, то помимо этого были и другие инструменты, такие как вложения в здравоохранение и образование. Тем не менее остановимся на инфраструктуре. Слава богу, за здравоохранение я пока не отвечаю — разве что в масштабе компании.

Совсем недавно был опубликован очередной отчет Центробанка, и в нем есть два преобладающих элемента. Во-первых, это борьба с инфляцией и снижение инфляции до однозначной цифры до следующего года. Во-вторых, все сценарии базируются на вариантах стоимости нефти.

Такое впечатление, что голова живет отдельно от экономического тела, и более того, даже внутри головы есть противоречия. Руководство страны и

правительство ориентируют нас на импортозамещение, на диверсификацию экономики. А мы по-прежнему хотим, чтобы нефть у нас была подороже.

В этом смысле я абсолютно согласен с теми выступающими, которые говорили, что надо заниматься именно этими аспектами. Как же поддержать промышленность? Мы ведь являемся своеобразным рынком, который требует производства именно со стороны подотчетной, условно говоря, промышленности, за которую отвечает Министерство, возглавляемое Денисом Мантуровым.

Здесь возникают проблемы, связанные уже упомянутым ростом тарифов. У нас сегодня не используется то, за что наш соотечественник получил Нобелевскую премию. У нас межотраслевой баланс используется разве что Русланом Семеновичем и в «Российских железных дорогах», потому что мы должны считать перспективы своего развития. А с соответствующей координацией развития видов транспорта у нас дело обстоит, к сожалению, не лучшим образом, хотя, может быть, я и ошибаюсь. Но когда мы разговаривали на эту тему и с Денисом Валентиновичем, и с Министром экономического развития, мы друг друга понимали и соглашались в том, что это действительно так.

Всегда задают вопрос, хорошо или плохо для развития, что государство участвует в инвестициях. Однако совершенно очевидно, что во всем мире государство, отвечающее за формирование институтов развития, отвечающее за развитие законодательства, все равно влияет на экономику. Исключить государство из этого процесса невозможно. Когда в США разразился кризис 1930-х годов, кто инвестировал в развитие дорог? Это были средства, которые направлялись специально для того, чтобы поддержать экономику. Мы чего стесняемся? Нам стесняться нечего.

Нам говорят, что нет денег. Но здесь присутствует профессор Саутгемптонского университета Ричард Вернер. Спросите у него. Он знаток

преодоления кризиса 1980-х годов в Японии. Банк Японии, отвечающий за те же самые аспекты, за которые отвечает Банк России, собрал все активы в доверительном управлении, вывел на один счет и дал денег коммерческим банкам, освобожденным от этой проблемы. Банки же обязали предоставлять контролируемые кредиты в так называемые продуктивные отрасли, то есть в реальный сектор экономики.

У нас тот же Центробанк дает одному из государственных банков достаточно большую сумму денег под 3% годовых. Что делает этот банк? Он предлагает промышленности взять кредит под 17%. Послушайте, чтоб я так жил! Если у нас Красноярский край берет кредит под 24%, он за счет какой активности сможет обеспечить такую рентабельность, чтобы по нему расплатиться?

Поэтому абсолютно согласен с тем, что надо инвестировать в инфраструктуру. И согласен с тем, что нужно поддерживать нашу промышленность. Это абсолютно взаимосвязанные сектора.

Мы считаем, тему транспортных коридоров очень важной. Мы этим уже занимаемся с 2000 года, когда было подписано соглашение о создании первого коридора. Это был «Север — Юг», который включал тот же самый Иран и ту же самую Индию. Этим надо заниматься.

Но мы подходим к этому аспекту шире. Мы предложили концепцию, которую президент Академии наук Фортков доложил Президенту. Речь идет о создании консолидированного проекта, интегрального проекта, который называется «Транс-Евразийский пояс развития». Это тоже инструмент, который способен сформировать определенный спрос на продукцию нашей промышленности, создать условия для прихода иностранных инвестиций и, естественно, для развития отрасли как таковой. У нас, я считаю, есть все необходимые элементы, которые позволили бы обеспечить динамичное экономическое развитие.

Поскольку Сергей — журналист, не могу не сделать референс в его сторону. Огромное количество журналистов подходило ко мне во время Форума с одним вопросом: скажите, пожалуйста, как Вы себя чувствуете в условиях санкций?

С. Брилев:

Нет. Это все просто чтобы спросить, как Вы себя чувствуете.

В. Якунин:

Нет, именно в условиях санкций. Мне это напоминает наш известный анекдот о том, как хирургу на следующее утро после операции сообщают, что пациент, к сожалению, умер. Он ассистента спрашивает: «А больной перед смертью потел?» Ассистент говорит: «Нет». «Это хорошо». Всё.

С. Брилев:

Быстро. Строго говоря, Владимир Иванович сейчас говорил не только на транспортную тему. Я считаю, что нашим следующим выступающим, как минимум по формальному признаку, должен стать Анри Пупар-Лафарж, который руководит как раз транспортным сектором Alstom.

Н. Poupart-Lafarge

Good morning. I am here today because over the last seven years, Alstom has been a strong partner of Transmashholding, the Russian railway manufacturer. I will therefore give you some feedback on the railway industry, the way we see this industry going forward in Russia, and the way we can help this growth.

The development of TMH is based on three basic pillars. The first one is innovation, which of course includes competitiveness. It includes processes: not only products, but also the way you manufacture and design the products.

The idea for us is not, say, to give Western technology to TMH, but more to be with TMH in order to help them to grow their own technology and their own processes. TMH has been an extremely long-standing player with very important technology, so the idea is to develop it. I come back to the remark that the important thing is not only what we bring, but also the schooling, the training, and the development of the people themselves. In fact, this is more important than the technology itself.

The first pillar is definitely to make sure that TMH and the railway industry in general benefit from the highest standards in the world. Again, the specific nature of the Russian market, such as the climate conditions, means that the idea is not to copy and paste Western technology.

The second pillar is the domestic market. No railway industry in the world has developed without the strong backing of its domestic market. The Chinese, Japanese, Korean, and European railway industries have all benefited from the strong backing of their own markets. They have developed new products based on the new needs and requirements of the markets, and their domestic markets have always been their showcase.

Of course, in front of Mr. Yakunin I can only say that Russia is a large domestic market. Russia is a fantastic market for railway manufacturers. Frankly, as I have said, if we wanted to pick and choose priority industries, I think that the railway industry is one of the biggest priorities for Russia today, considering the advantage of having a very strong and visible domestic market in terms of both freight and passengers.

Of course, as the market is developing at a very high speed, the manufacturing abilities of Russia will also develop at a very high speed. And Alstom will be there to help TMH to develop these capabilities.

The third pillar is the export market. The export market in our industry is a complex combination of building a global commercial network present everywhere in the world, mastering global international standards that sometimes

vary from country to country, and bringing financing and political support to other countries.

Here again, maybe the railway industry is unusual compared to other industries. This is an industry which needs political and financial support in order to be successful on the global market.

At Alstom, we are helping TMH by importing some subsystems, parts, and components through the Alstom network itself. We can also provide the global network that we have, and of course Transmashholding is working with Russian authorities in order to get general political and financial backing.

We have been working with TMH for the last seven years. It has been a very exciting experience. Of course, the domestic market has its ups and downs, but our vision is much more long-term.

The idea is to create an extremely strong railway manufacturer, a world leader based here in Russia. We are on the way to doing that, and we base our success on these three pillars.

С. Брилев:

Приходят новости о том, что Дума приняла закон о стандартизации как раз в те минуты, когда говорил представитель Alstom. Сейчасждемся подробностей.

Я хотел бы обратиться к губернатору Красноярского края, тем более, что роль регионов уже несколько раз упоминалась. Позволю себе несколько превысить полномочия модератора и высказать одну мысль. Так получилось, что я много езжу по регионам и смотрю новые производства. Не то чтобы это мое хобби, но так сложилась карьера. Например, буквально позавчера мы с губернатором Артамоновым ездили в глубины Калужской области. Я в очередной раз убедился в том, что земля русская богата талантами: люди придумывают что-то интересное, договариваются о финансировании. Есть масса очень любопытных и симпатичных новых

производств, которые возникли в последние годы. Но у меня такое ощущение, что они возникают хаотически. Нет четкого плана развития территорий. Появился проект — построили, не появился — и ладно. Возможно, это ошибочное ощущение, но оно у меня возникло. Я хотел бы спросить Вас, пусть и в контексте вашего альянса с РУСАЛом, но именно в этой связи: существует ли территориальное понимание промышленной политики?

В. Толоконский:

Спасибо, Сергей.

Уважаемые коллеги, конечно, слабость и федеральной, и региональной политики в сфере материального производства имеет место. Но для нашего региона это недопустимая позиция. Потому что, в отличие от большинства регионов (и мне непросто постоянно доказывать это своим коллегам и общественности региона), Красноярский край не может рассчитывать на ресурсы развития извне. Мы обладаем таким потенциалом, что должны решать свои структурные и социальные задачи, задачи роста качества жизни за счет собственной экономики.

Когда в прошлом году я ставил такие задачи, они вызывали некоторое замешательство. Например, была поставлена задача увеличить в этом году доходы бюджета края на сумму не менее 20 миллиардов рублей. За два бюджетных цикла, за шесть лет — на 100 миллиардов рублей, то есть фактически удвоить доходы бюджета. Конечно, это вызывало замешательство.

Мы решаем эту задачу. За четыре месяца мы уже приросли на 22 миллиарда рублей, и прирастем еще. Но это требует очень концентрированной политики по наращиванию экономики во всех отраслях — в сырьевых, в обрабатывающих, в малом бизнесе. Например, нам приходится поручать муниципалитетам создавать небольшие

муниципальные предприятия, а уже потом превращать их в бизнесы, потому что ждать инициативы у меня нет времени. Структурного развития край требует уже сегодня.

С. Брилев:

А можно сразу пару примеров?

В. Толоконский:

У нас очень много небольших административных единиц, небольших поселений, куда нельзя привести крупного инвестора и где нельзя построить какое-то современное, и тем более инновационное производство. Поэтому мы предлагаем организовывать переработку молока или, например, переработку дикоросов, овощей, или производство овощей в закрытом грунте. Каждый муниципалитет должен развивать такие бизнесы. Это непривычно, и я понимаю, что это не функция региональной власти, но я требую от конкретных членов правительства быстро разместить, например, птицефабрику. Сейчас на рынке дефицит мяса птицы, это высокорентабельное дело. Мы поможем инвесторам и с участками, и с техническими условиями, и с ресурсами развития.

Конечно, политика должна быть более акцентированной. Но я даже несколько жестче поддержу коллег, которые уже выступали: нельзя рассчитывать на эффективное развитие сферы материального производства при такой стоимости денег, как сейчас в России. Мы можем что-то просубсидировать, мы можем где-то дать какой-то дополнительный госзаказ, но это не система. Системная экономика будет развиваться с другой стоимостью денег. Уменьшить стоимость денег можно, и не за счет роста инфляции. Это не предмет нашей встречи, но я готов поспорить о том, что все всплески инфляции в России связаны не с излишком финансовых ресурсов, не с избытком денег, а с дефицитом ресурсов,

дефицитом товаров. Как только рынки приходят в состояние равновесия, инфляция сразу сдерживается, останавливается. И наоборот, когда мы испытываем товарный голод, безо всякого роста денежной массы начинается рост инфляционных процессов.

Кроме того, хочу сказать следующее. Очень многое, что мы сейчас говорим, мы говорили десять лет назад и будем говорить еще через десять лет. Потому что на нас еще сильно влияет наша история, наше прошлое, наша эпоха развития в закрытой системе, в закрытой экономике. Мы привыкли иметь свою мощную производственно-промышленную сферу. Для обычной страны у нас неплохая, немаленькая промышленность. Но мы ведь хотим другого. Следовательно, нам нужно принять некоторые мобилизационные решения в промышленной политике государства, привлечь некоторые мобилизационные ресурсы. Нужно увеличить госрасходы в приоритетных отраслях промышленности, увеличить государственные инфраструктурные заказы. Есть способы за счет некоторого уточнения налоговой политики.

Я всегда говорю финансистам: отдайте маленькую часть налога на добычу полезных ископаемых регионам, но не как доходы бюджета, а как обязательные ресурсы для развития транспортной и энергетической инфраструктуры. Для федерального бюджета это небольшой источник, но в регионе мы сразу получим сильный мультипликационный эффект: появятся энергетические мощности, дороги, и сразу придут частные инвесторы.

Еще одна ремарка. Государство не может быть главным субъектом развития. Субъектом развития должен быть частный инвестор. Когда мы говорим, что сейчас сдвинем экономику за счет госзакупок и за счет госкорпораций, это звучит сомнительно. Нужно создать иные условия, и цена денег здесь — базовый норматив, который позволит ускорить и масштабировать этот рост.

В этом году Красноярский край обеспечивает рост и по валовому региональному продукту, и по промышленному производству в физическом

объеме и в сопоставимых ценах — про действующие цены я не говорю. Этот рост будет, у нас растут инвестиции, и ситуация с изменившимися внешними условиями даже дает нам определенные преимущества, потому что край очень богатый, и инвесторы к нам идут.

С. Брилев:

Несмотря на чудовищный дефицит времени, все-таки одно уточнение: как соотносится призыв к мобилизационным планам с тем, что не государство должно быть субъектом развития экономики?

В. Толоконский:

Говоря о мобилизационных подходах, я имею в виду отдельные приоритетные отрасли, в которых мы хотим быть лидерами. Если это очень точно структурируется, то это можно сделать. Я говорю о некотором увеличении государственных расходов на инфраструктурное развитие. Мы не можем добиться от частного инвестора большей активности при слабостях инфраструктурного, транспортного, энергетического характера. Я не верю, когда говорят: давайте увеличим заказ и будем покупать у малого бизнеса. Государство — это не тот субъект, который может быть главным источником развития.

С. Брилев:

Дорогие друзья, до планового окончания нашей сессии остается 12 минут. Но мы начали на пять минут позже, поэтому у нас есть 17 минут. И у нас есть трое выступающих. Я попрошу их всех укладываться минут в шесть. Боюсь, что до вопросов и ответов мы не дойдем — настолько много здесь людей.

Предлагаю продолжить Алексею Рахманову, «Объединенная судостроительная корпорация».

А. Рахманов:

Большое спасибо.

Мы — продукт промышленной политики, поэтому и сомнений в том, что она есть, что она развивается, у нас просто не может быть. Мне и просто, и сложно выступать после всего того, что было сказано Русланом и другими коллегами. Расскажу, как в далеком 2000 году мы встречались на одном мероприятии с коллегами-юристами, которые содействовали вступлению России в ВТО. Находясь в подпитии и забыв, кто перед ними, они сказали: «А вы знаете, эти русские действительно верят в свободную торговлю!» Такие случаи заставляют нас задуматься на эту тему.

Наверное, смысл в том, что есть отрасли, которые обязательно должны жить в свободной конкуренции. Есть продуктовые линейки, в которых без этого не обойтись. А есть отрасли, которые как жили, так и будут жить в регулируемом сегменте. Владимир Иванович сказал золотые слова: межотраслевой баланс. Как только мы сможем вернуться к этому инструменту, нам всем сразу станет легче жить.

Типичный пример — развитие судостроения и нефтегазовых инфраструктурных проектов. Без четкого понимания того, что конкретно и как нужно развивать, кому предоставить возможность стать глобально конкурентоспособными на этом рынке, у нас ничего не получится.

Я напомним еще раз: Соединенные Штаты Америки — член ВТО. Тем не менее существует Jones Act, который позволяет и очень жестко регламентирует строительство на национальных верфях судов для перевозки национальных грузов, имеющих стратегическую ценность. Я считаю, что такой баланс может быть совершенно спокойно реализован в Российской Федерации, и для этого нам всем нужно просто реализовать главную дилемму.

Сегодня любой разговор с нефтяниками начинается с вопроса: «А где вы будете строить?» Я спрашиваю: «А что мы должны построить?» Они говорят: «Вот это». Я спрашиваю: «А когда?» Тишина. Если мы сможем сбалансировать эти ответы и все-таки сделать прогноз развития мощностей под продуктовые линейки с жестким контролем и пониманием роли государства, у нас получится блестящая судостроительная отрасль. Я в данном случае говорю о корпорации, поскольку мы занимаем около 70% общего судостроительного производства.

С. Брилев:

Это что-то вроде Госплана? Вчера, кстати, на встрече у Президента это слово вдруг прозвучало.

А. Рахманов:

Это слово прозвучало, слава богу, кстати. Честно говоря, я очень этому порадовался, поскольку мне кажется, что это инструмент, который позволит нам сделать очень интересный прорыв, конечно же, в том виде, как описал его Президент. А бывший Госплан воспроизвести не получится. Это уже устаревший инструмент.

В любом случае, синхронизация этих продуктов даст эффект, как и в любой стране. Посмотрите на лидеров судостроения: в Китае, в Корее, в Японии — везде существует элемент регулирования. В Корее национальная игра с судостроителями называется так: семь лет работаем, потом либо банкротим, либо превращаем в государственную корпорацию. Ни к чему не призываю, но хочу сказать, что элемент государственного регулирования для отдельных отраслей, особенно тех, которые сильно зависят от инфраструктурных проектов, является неизбежным.

Спасибо.

С. Брилев:

Большое спасибо.

Вообще, лучше южнокорейские поговорки, чем самый короткий в мире греческий анекдот, который рассказал Папандреу в Давосе: «Греческая статистика». Ну да ладно, это совсем не по теме.

У нас еще не выступали Андрей Сапелин и Сергей Сидорский. Я предлагаю вам обоим, учитывая вопросы, которые невольно прозвучали в адрес профильного министра, построить свои выступления так, чтобы оставить немного времени и господину Мантурову. Я понимаю, что это сложно, но попробуйте уложиться в 4,5—5 минут.

Андрей, прошу.

А. Сапелин:

Большое спасибо.

Я очень коротко остановлюсь на том, о чем сегодня много раз говорили — на стоимости денег. Поскольку мы все-таки «госкорпорация про деньги», то именно об этом я и буду говорить.

Сначала два факта. Мы, как и «Объединенная судостроительная корпорация», в каком-то смысле являемся продуктом индустриальной политики и стратегии. Основная часть нашего портфеля — это финансирование ключевых инвестиционных проектов в отраслях промышленности, а также инфраструктурных проектов. Полтора триллиона рублей — это наш портфель исключительно долгосрочных инвестиционных проектов со сроками окупаемости более десяти лет. В тесной кооперации с Министерством промышленности и торговли, мы в основном финансируем те проекты, которые соответствуют приоритетам развития российской промышленности, и те, которые наиболее конкурентоспособны не только внутри страны, но и на экспортных рынках. Лучшим мерилom

конкурентоспособности, наверное, является способность производителя продавать свою продукцию за рубежом.

Почему важна стоимость денег? Очевидно, что в отраслях с длительным инвестиционным циклом стоимость денег в цене конечного продукта составляет десятки процентов, особенно при такой стоимости, которая есть у нас. Совершенно очевидно, что все рецепты есть, и коллеги сегодня об этом говорили. Я не буду озвучивать их сейчас, но, например, господин Гринберг говорил о бразильском аналоге, где есть ресурсы, есть бурное развитие экономики и нет спада.

Кстати, если посмотреть на проекты, которые мы финансируем, на эти 1,5 триллиона, как на некую отдельную экономику, то можно увидеть там очень хороший ежегодный рост (я не хочу называть цифры). Не было ни одного года, чтобы производства, которые мы построили с нуля, демонстрировали спад. Это лучший пример того, что эта модель работает.

Так вот, в той же самой Бразилии нашему аналогу, Банку развития Бразилии, 63 года, и там все рецепты давно продуманы. Они стали частью финансовой системы страны. Определенная часть средств мобилизуется и, как предлагали сегодня выступающие, направляется в наиболее приоритетные отрасли.

Очевидно, что невозможно совместить двузначные ставки и инвестиционные проекты в промышленности. Если мы берем за критерий глобальную конкурентоспособность своих производств, то как они могут конкурировать, если мы строим, например, два одинаковых завода на Дальнем Востоке, только один находится в Китае, а другой по нашу сторону границы, и в первом случае стоимость денег равна нулю? А ведь у нас, коллеги, самые дешевые деньги, коллеги. В течение всего последнего года, когда штормило российский финансовый рынок, мы никому не подняли процентные ставки, потому что мы некоммерческая организация. Мы, в отличие от упомянутых Владимиром Ивановичем неназванных

коммерческих банков, ставки не поднимали. Но ставки эти, к сожалению, двузначные, что совершенно неприемлемо. Это же ключевой фактор конкурентоспособности. При таком подходе мы сразу отсекаем целый ряд проектов. Вы прекрасно понимаете, что в отраслях с длительным инвестиционным циклом со ставкой окупаемости 10% живет, условно говоря, десять проектов, а если 5%, то их в разы больше. Это совершенно очевидно.

Вернусь к теме нашей сессии. Приоритеты — это ключевой фактор промышленного роста и эффективной промышленной политики. Иначе получается достаточно странная ситуация. В начале дискуссии говорили о том, что экономика и ряд предприятий, которые ориентированы на экспорт, получили очень серьезную поддержку. Мы прекрасно это видим, потому что один из ключевых приоритетов «ВЭБа» — это поддержка промышленного экспорта. У нас есть специальные программы, которые уже позволили значительно увеличить финансирование. Но на примере этих предприятий мы видим достаточно странный эффект. С одной стороны, мы в силу внешних причин создали очень благоприятные тепличные условия для роста целого ряда конкурентоспособных производств. Но в это же самое время мы взяли и «закрыли подачу воды в теплицу». Эти действия нелогичны, они явно противоречат здравому смыслу.

Мы достаточно плотно работаем со своим акционером из Правительства, и нам бы хотелось, чтобы у нас учитывались успешные примеры развития экономик, в том числе благодаря банкам развития. Во всех развивающихся успешных экономиках есть наши аналоги. Мы очень прецедентны, рецепты есть, и мы очень надеемся, что в ближайшее время они начнут работать.

Большое спасибо.

С. Брилев:

Огромное спасибо.

У нас осталась нетронутой всего одна подтема, которую мы с организаторами этой сессии обозначали в качестве приоритета. Она касается того, ждать ли нам здесь западных инновационных технологий, и не только на уровне сборки, но и на уровне полноценного производства.

В этой связи я хочу обратиться к Сергею Сидорскому не только как к министру промышленности Евразийской экономической комиссии, но и как к представителю Белоруссии, которую в советское время называли сборочным цехом Советского Союза. Можем или не можем? Это такой дополнительный подвопрос.

С. Сидорский:

Большое спасибо.

Я сегодня представляю Евразийскую экономическую комиссию. Президенты наших стран, как вы знаете, поставили перед нами — экс-премьеры Казахстана и Белоруссии и господином Христенко от Российской Федерации — амбициозную задачу: создать за два года реально действующий экономический союз. Нам это удалось, и сегодня есть объемный документ — «Договор о Евразийском экономическом союзе». С этого года к нам также присоединились Армения и Киргизия.

В Евразийской экономической комиссии я решаю задачу по разработке конкретной промышленной и сельскохозяйственной политики. В краткосрочной перспективе эта политика должна дать нам возможность стать конкурентоспособными не только на внутреннем, но и на экспортном рынке.

Вопроса промышленной политики как скоординированных действий экономистов, занимающихся реальной экономикой, о котором говорил Денис Валентинович, в первые 20 лет после развала Советского Союза фактически не существовало. И сейчас, в союзном договоре, мы прописали

конкретные подходы по совместной промышленной политике. Сейчас мы отработываем эти подходы.

Я десять лет занимал должность премьер-министра Белоруссии. Я помню 2000-е годы, когда был общий развал, о котором здесь все говорили. Нужно взглянуть на собственную экономику. Я считаю, что мы выстраиваем в Евразийском экономическом союзе свой рынок. Сегодня у нас богатейший рынок.

Мы говорим о том, что Российская Федерация является экспортером природных ископаемых. Это правда. Но сегодня на Россию, Казахстан, Киргизию нужно взглянуть с новой позиции Союза. Это колоссальные природные ресурсы, которые сегодня добываются и вывозятся за пределы Союза. Есть колоссальные возможности производств, которые дадут добавленную стоимость и создадут дополнительные цепочки. Машиностроение — это отрасль, которую сегодня в нашем Союзе и в Российской Федерации нужно начинать не просто с общих разговоров о том, чего бы мы хотели. Нам нужно наполнить собственный сектор экономики своей производительной техникой.

Задумайтесь о том, что Российская Федерация сегодня производит только порядка 10—15 тысяч тракторов. Белоруссия производит 70 тысяч. В 2000 году было девять тысяч тракторов. Семьдесят тысяч тракторов по всему миру. За этим внутренним рынком потянулся экспорт, сразу пошли импортеры.

Мы говорим об инвестициях. Возьмем, к примеру, сельскохозяйственную технику. В Союзе мы начинали с комбайна, и John Deere говорил нам, что мы никогда не создадим эту технику. Сегодня «Ростсельмаш» и «Гомсельмаш» — это лидеры по производству техники. Но главное, что в промышленной политике за этими лидерами потянулась вся переработка. Пропашная, посевная, уборочная — это целый шлейф техники. Сразу заработала вся экономика, заработали все заводы. Наши конкуренты на

мировом рынке увидели, что мы состоятельны в этом секторе экономики. И John Deere пошел создавать у нас производство, в нашу экономику пошли реальные инвестиции.

Сегодня мы говорим о станкостроении. Если в стране есть машиностроение и станкостроение, значит, она сильна своей экономикой. А мы сегодня 90% станков импортируем из-за пределов нашего Союза. Если взять стойки ЧПУ, то их мы импортируем на 96%. Сегодня есть ниша, в которой мы должны и обязаны построить собственную экономику.

Я говорю с представителями богатых отраслей: с нефтяниками, с газовиками. Смотрю на их предприятия и на заводы по производству труб. С этими трубами всё время нужно что-то делать: нарезать резьбу и так далее. Господа, сегодня в этих отраслях используется только импортный инструмент — как американского и немецкого производства. Но у нас более 560 заводов, которые готовы делать и делают такой же инструмент. Нужно предложить простые, понятные программы, которые мы сможем реализовать в нашей экономике, выдавать продукцию на наш необъятный рынок, и это привлечет инвестиции. Ведь за счет этих инвестиций мы сможем сразу экспортировать продукцию.

Если нам удастся еще поработать вместе, в ближайшие пять лет российская экономика и экономика наших государств будут выглядеть совсем иначе. У нас есть большой, емкий собственный рынок. У нас есть емкие рынки Китая, Юго-Восточной Азии, которые готовы принять экспортную продукцию высокого качества, которую мы могли бы и должны будем делать. Я в этом уверен. И я думаю, что сегодняшняя дискуссия находится на правильном пути.

Спасибо.

С. Брилев:

Большое спасибо. Сегодняшняя дискуссия невольно подошла к концу.

Впрочем, вот подтверждение того, что мы говорим о промышленной политике на российской, на евразийской и на международной площадке. Я так понимаю, что министры промышленности России и Бахрейна подготовили нам сюрприз, и завершением сессии станет подписание соглашения. По крайней мере, я же правильно узнал флаг Бахрейна? Вперед!

А есть ли у кого-нибудь название этого соглашения, чтобы я произнес его хорошо поставленным голосом? Нет?

Друзья, насколько я понимаю, подписывается соглашение между министерствами промышленности Российской Федерации и Королевства Бахрейн в отношении сотрудничества этих двух ведомств на международной площадке.

Из зала:

Заявление подписывают министр промышленности и торговли Российской Федерации Денис Валентинович Мантуров и министр промышленности и торговли Королевства Бахрейн Заед Бен Рашид Аль-Заяни.

С. Брилев:

На такой высокой ноте мы завершаем эту панельную сессию. К сожалению, это была не дискуссия, но дискуссия неизбежно будет продолжаться. И желаю всем участникам продолжить ее в кулуарах.

Хорошего дня!